№ 3

20 авг⟨уста⟩ ⟨18⟩ 80.

Я с нетерпением ожидал получения в Москве Вашего «Дневника» [5], дорогой Федор Михайлович, справлялся о нем у Живарева [6] и был несказанно обрадован и благодарен Вам за присылку. По прочтении же экземпляров уже с десяток мною роздано и по указанию моему приобретено. Появление «Дневника» с разъяснением речи было необходимо. Речь Вашу трудно было отделить от факта произнесения и произведенного ею впечатления, ибо в этом взаимодействии было непосредственно принято и почувствовано несравненно больше того, что высказано было словами речи и что услышано слухом и сознано. Столько было электричества, что речь сверкнула молнией, которая мгновенно пронзила туман голов и сердец, и так же быстро, как молния, исчезла, прожегши души немногих. На мгновение раскрылись умы и сердца для уразумления, хотя и неотчетливого, одного намека. Потому что речь Ваша не трактат обстоятельный и подробный, и многое выражено в нем лишь намеками. Как простыли, так многие даже и не могли себе объяснить толково, что же так подвигло их души. А некоторые, и может быть большая часть спохватились инстинктивно через несколько часов и были в прекомичном негодовании на самих себя! «А черт возьми,— говорил в тот же день один студент, больше всех рукоплескавший, моему знакомому студенту,— ведь он меня чуть в мистицизм не утащил! Так-таки совсем и увлек было!...». Но это молодежь, а записные «либералы» затеяли, как сами знаете, ретираду похитрее и поковарнее. Одним словом, разъяснение было нужно, и Вы разъяснили превосходно. Само собою разумеется, сойдись западники и славянофилы в понятии об основе (православной или истинно христианской) просвещения — между ними всякие споры и недоразумения кончатся и стремление «в Европу», т. е. на арену общей всемирной, общечеловеческой деятельности народного духа, освящается. Вот почему, кстати сказать, тот только славянофил, кто признает умом или сердцем (последнее — святыня, не допускающая грубой проверки) Христа основою и конечною целью русского народного бытия. А кто не признает, тот самозванец. А таких псевдославянофилов развелось теперь куда как много. Выдернут изо всего миросозерцания Христа и не понимают, что все разом убили. Таков и Градовский [7]. Он даже лекции читал о славянофилах, по-видимому, очень сочувственные, в которых довольно ловко обходит вопрос религиозный. Но я однажды имел с ним беседу, в которой он мне прямо объяснил (и эта прямота делает ему честь), что у него религиозной шишки нет ни малейшей, что по этой части у него совесть — гладкое место,— совсем ему эта сторона недоступна. Я подивился, чему же он собственно сочувствует, но выразил уверенность, что это инстинктивное сочувствие приведет его к разумению самой сущности «учения». Но вот этот abs религиозный и дает себя знать. Ему остается только окончательно закабалить себя западничеству. В своей статье против Вас он является просто ограниченным человеком. Личная ли это ограниченность или роковая ограниченность всякого неверующего, отрицающего?

Конечно, самое важное в «Дневнике», самое многосодержательное — это Ваши 4 лекции Градовскому [8]. Упрекнуть Вас можно лишь в том, что слишком уж крупна порция, не по внешнему, а по внутреннему объему. Тут у Вас мимоходом, стороною брошены истинные перлы, напр⟨имер⟩ хоть место о встрече человекобога с богочеловеком и другие места, годящиеся в темы для целых сочинений. Жаль, что они выброшены так, в полемической статейке. Статьи же хороши безусловно, и я с Вами вполне и во всем согласен. От Градовского не осталось ни клочка. Он, конечно, будет отвечать, что, дескать, на такой щекотливой почве бой не ровен. Вам,

мол можно, а мне неудобно, назовут-де безбожником и т. п. Таковы всегда их примеры, вынуждавшие и Хом⟨якова⟩, и брата, и меня, и Самарина воздерживаться в печатной полемике от вопроса религиозного. Но то время было иное, а теперь это лишь увертка, ответ неискренний и недобросовестный. И рад я буду, если Вы, мне дорогой и искренно-чтимый Федор Михайлович, проторите дорогу для откровенных бесед о том, в чем вся суть, — Вас можно упрекнуть только в том (но это уже, я думаю, органическое свойство), что Вы проявляете мало экономической распорядительности мыслей и потому слов; слишком большое обилие первых, причем основная обставляется и иногда заслоняется множеством побочных; крупная черта подчас теряется в богатстве мелких. Еще пред взором читателя не выяснились линии всего здания, а Вы уже лепите детали. Этот недостаток свойствен художникам-мыслителям, у которых образ или мысль возникает со всеми частностями, во всей жизненности, [с] случайностями, разнообразными воплощениями, так что им очень мудрено охолащивать, так сказать, свою мысль или образ. Я как-то упрекал Льва Толстого, что у него все на первом плане, все одинаково сильно живет, тогда как в живописи, например, и в натуре для глаза — ярко видно лишь то, что на первом плане, а остальное по мере отдаления бледнеет, сереет. Что было бы, если б глаз о д и н а к о в о о т ч е т л и в о и ж и в о видел и близкое и на краю горизонта? Он бы лопнул. Так и Вы. Вы всегда даете читателю с л и ш к о м м н о г о зараз, и кое-что, по необходимости, остается недосказанным. Иногда у Вас в скобках, между прочим, скачок в такой отдаленный горизонт, с п е р с п е к т и в о ю т а к о й н о в о й д а л и, что у иного читателя голова смущается и кружится, — и только скачок. Я это говорю на основании деланных мною наблюдений о впечатлении, произведенном Вашими статьями на большинство читателей. — Для меня понятен каждый Ваш намек, каждый штрих, — ну а для читателя вообще — слишком, повторяю, крупна порция.

Я слышал от Кошелева [9], приезжавшего в Москву на один день, что в август⟨овской⟩ книжке «Р⟨усской⟩ мысли» должна была появиться статья Юрьева [10] не то, что против Вас, но по поводу Вас с некоторым возражением. Да и он сам (Кошелев) марнул было статейку на тему о смирении и гордости: слишком-де превозносите р⟨усский⟩ народ и т. д. [11] Статьи я не читал, но я заметил ему только, что эта самая забота о том, чтобы не оскорбить своею неискренностью самолюбие и достоинство других национальностей, — только подтверждает мысль Достоевского: такой заботы не проявит ни англичанин, ни немец, и она пуще всего свидетельствует о чувстве всебратства. Не знаю, убедился ли он моими словами, только в августовской книжке нет никаких статей. Напомнил я ему также стихи Хомякова о ключе, бьющем в груди России, «сокрытом, но могучем»:

И он журчит неумолкаем,
Как тайна жизни невидим,
И чист, и миру чужд, и знаем
Лишь богу, да его святым. [12]

Для русского человека родство племенное, физиологическое очень мало значит, какой-нибудь п р а в о с л а в н ы й Клюки фон Клугенау (был такой генерал) [13] ему совсем родной брат, а католик Голицын [14] — чужд. Одним словом, для него определение его национальности совпадает с православием, другими словами, с Христианством, ибо в другой форме он его не знает. Мудрено написать воззвание к рус⟨скому⟩ народу, как его пишут в других странах: Francaes * или «британцы!» — «Русские!» не годится, самый язык не терпит. А на всех сходках ежедневно по всему пространству России — держатся речи с воззванием: «Православные».

* Французы.

Вот как р⟨усский⟩ народ определяет свою национальность. Покойный брат мой, называвший историю р⟨усского⟩ народа «Житием р⟨усского⟩ народа», называл так же р⟨усского⟩, человека «человеком по преимуществу», не в таком смысле, что он лучше всех, а в том, что он лучше всего выражает общечеловеческое. Он бывало утешался очень самым обликом р⟨усского⟩ мужика, именно отсутствием в нем определенной животной породистости. Хотелось бы кое-что добавить ко всему тому хорошему и глубоко верному, что Вы сказали Градовскому об отношении лично-нравственных христианских идеалов к идеалам гражданским, да нет времени. Этот вопрос à l'ordre du jour *. Мне пришлось недавно пространно писать об этом в ответ одному священнику из провинции, приславшему мне целую рукопись — о необходимых реформах в церкви, под названием: «Прогресс и христианство» [15]. Сей поп не более не менее как херит все последние 15 веков церковного бытия, с насмешкой утверждая, что и «гениальные инженеры — строители церкви (т. е. это все учителя, Отцы соборов и пр.!) поставили церковь вне действительной жизни своей паствы», ну а теперь следует приспособить церковь к требованиям прогресса и социологии,— поставить ее в рамки действительной жизни, не лично каждого, а целых обществ — тут и сельские банки, во главе которых должны состоять священники (получающие не менее 1400 р. в год каждый!). Все эти реформы, по его мнению, при «косности высшего клира — монашеского» могут совершиться лишь содействием правительства. Тут и ссылки на первоначальные апостольские общины, от которых-де гениальные инженеры совсем отступили, общины апостольские, в которых-де царила «солидарность интересов не одних духовных, но и материальных». Христос-де и Апостолы « — образцы общественных практических деятелей» (причем забывает, что по 1400 р. они жалования не получали!). Крайне интересно, ужасно жаль, что нельзя напечатать, потому что его ушлют в Соловки,— а ведь это современная болячка.

Что любопытно и в чем опасность — это в бессознательной подтасовке идеалов, это в смешении истины и ее лживого подобия. Впрочем, весь смысл антихриста в этом лжеподобии. Кажется, дескать, все равно: любовь христианская к ближним — и гуманность). Но гуманность без Христа, без самосовершенствования — последовательно, вырождается чуть не в человеконенавидение (да хоть наши проповедники разрушения), прогресс — в регресс и т. д. (я этому священнику. кстати, пошлю Ваш «Дневник»). Точно также — равенство — братство. И многое множество теперь в ходу таких параллелей, таких, по-видимому, тождественных истин, но тут-то и опасность.

Но надо и честь знать. Я невольно расписался, отчасти потому, что совершенно почти одинок в Москве. Имею сильное желание издавать еженедельную газету: не могу участвовать ни в одном чужом издании [16]. А сказать есть что, да Вы бы одни своим «Дневником» давали бы множество тем для общественного обсуждения. Не знаю, разрешат ли? В прошлом году не разрешили.

Когда Вы будете в Петербурге? Еще раз благодарю Вас за «Дневник», не только за присылку, но и за то, что выпустили его. Моя новая квартира в Москве:

Спиридоновка, у Никитских ворот, Дом Розанова.

Ваш Ив⟨ан⟩ Аксаков.

Я не забыл своего обещания насчет Гоголя автографа [17]. Как переселюсь окончательно в Москву, пришлю.

P. S. Напрасно Вы сказали, будто я назвал или выразился, что меня называют предводителем славянофилов. Я сказал: представителем [18].

---

* В порядке дня (фр.).